

Оглавление

Часть первая
Оружейный
Купец

9

Часть вторая
Венеция

189

*Анне Надотти
и Ирен Биньярди*

Часть первая

Оржейный Купец

КАЛЬКУТТА

Вся невидаль сих удивительных странствий в том, что на них подвигло слово, причем не какое-то экстравагантное, но самое заурядное, имеющее широкое хождение от Каира до Калькутты. Слово это — *бандук*, что во многих языках, включая мой родной бенгальский (или бангла), означает “огнестрельное оружие”. Оно, слово, не чуждо и английскому языку, ибо через британские колонии отыскало себе дорогу в “Оксфордский словарь”, где толкуется как “ружье”.

Однако в день начала странствий ничего стреляющего не было на горизонте, оружие даже не поминалось. И вот именно потому слово привлекло мое внимание, поскольку оно было составной частью прозвища “Бондуки Садагар”, что можно перевести как “торговец оружием”.

Оружейный Купец вошел в мою жизнь не в Бруклине, где я обитаю и работаю, но в городе, где я родился и вырос, — Калькутте (или Колкате, в его нынешнем официальном названии). В тот год, как и во

многие другие, под предлогом деловой необходимости я провел там почти всю зиму. Моя профессия букиниста-антиквара, специализирующегося в восточных изданиях, требует частых разъездов, и поскольку в Колкате у меня есть небольшие апартаменты (выделенные мне сестрами в доме, который мы унаследовали от родителей), город этот стал моей второй базой для деловых операций.

Однако причиной моих ежегодных наездов была не одна работа: Колката служила мне убежищем не только от злобной холодрыги бруклинской зимы, но и от одиночества, которое с годами, невзирая на мою профессиональную успешность, стало просто невыносимым. А уж в тот год ощущение безысходности было особенно сильно, ибо внезапно рухнули многообещающие отношения: женщина, с которой я уже долго встречался, без всяких объяснений порвала со мной, заблокировав все наши обычные каналы связи. Это стало моим первым знакомством с “гостингом”¹, опытом в равной степени унижительным и болезненным.

С учетом моего шестидесятилетия, маячившего в не столь уж отдаленном будущем, я вдруг понял, что одинок как никогда. И потому отправился в Калькутту раньше обычного, подгадав своей приезд к сезонной миграции больших стай “заграничных” калькуттцев, которых холода в северных широтах заставляли, как и меня, встать на крыло и лететь на зимовку в родные края. Я знал, что повидаюсь с уймой друзей и родичей, что время пролетит в круговер-

1 Гостинг — от английского *ghost*, призрак, — резкое прекращение романтических или дружеских отношений, игнорирование любых попыток выйти на связь. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ти званых обедов, ужинов и свадебных застолий. Не скрою, мелькала мысль и о возможной встрече с женщиной, с которой я свяжу свою жизнь (такое и впрямь случалось со многими мужчинами моей меры зрелости).

Но конечно, ничего этого не произошло, хоть я не упустил возможности повращаться в определенных кругах и был представлен изрядному числу разведенок, вдов и прочих одиноких женщин соответствующего возраста. Порой я даже чувствовал, как разгораются угольки надежды, но затем в несчетный раз убеждался, что в английском языке вряд ли сыщется менее привлекательное для женщины слово, нежели “букинист”.

Время пролетело водопадом разочарований, и уже был совсем недалек день моего возвращения в Бруклин, когда я отправился на свое последнее светское мероприятие в Калькутте — свадьбу двоюродной племянницы.

Едва я прибыл к месту проведения торжества — душному клубу в колониальном стиле, как ко мне подвалил Канай Датт, мой дальний родственник.

Я ничуть не жалел, что уже давно не видел этого тщеславного болтуна и скороспелого всезнайку, который с помощью хорошо подвешенного языка и смазливой внешности, привлекавшей женщин, торил себе дорогу в свете. Обитая главным образом в Нью-Дели, он процветал в тепличной городской атмосфере, став таким любимцем средств массовой информации: как ни включишь телевизор, Канай с пеной у рта разглагольствует в каком-нибудь ток-шоу. Он знал, как говорится, всех и вся, о нем часто писали в журналах, газетах и даже книгах.

Больше всего в нем раздражало то, что он всегда находил способ меня поддеть. Вот и нынче он начал с крученой подачи в виде моего детского прозвища Динú, от которого я давно отказался ради более американского на слух имени Дин.

— Поведай-ка мне, Дину, — сказал он после небрежного рукопожатия, — верно ли, что ты считаешь себя экспертом в бенгальском фольклоре?

Насмешка, слышавшаяся в вопросе, меня покорибила.

— Когда-то давно я занимался этой темой, — пробурчал я, — но не возвращался к ней с тех пор, как окончил академию и стал букинистом.

— Однако ты получил ученую степень, верно? — с неприкрытой издевкой уточнил Канай. — То есть формально ты эксперт.

— Я бы так себя не назвал...

— А скажи-ка мне, господин эксперт, — бесцеремонно перебил Канай, — слышал ли ты о персонаже по имени Бондуки Садагар?

Он явно хотел меня удивить, в чем преуспел: имя это (Оружейный Купец) было мне совершенно незнакомо, и я даже счел его выдумкой.

— Что значит — персонаж? — спросил я. — Ты говоришь о каком-то фольклорном герое?

— Ну да, вроде Докхин Рая или Чанда Садагара...

Канай принялся перечислять известных персонажей бенгальского фольклора — Сатью Пир, Лакхиндара и прочих, не вполне богов, но и не простых смертных: подобно приливным отмелям в речной дельте, они появляются при слиянии разных течений. Порой в увековеченье их памяти возводят святилища, почти всегда они связаны с какой-нибудь легендой.

И поскольку Бенгалия омывается океаном, зачастую мореплавание — важный элемент этих сказаний.

Самая знаменитая легенда — история о Чанде Садагаре, купце Чанде, который бежал за море, спасаясь от притязаний Манасы Дэви, повелительницы змей и прочих ядовитых тварей.

В детстве моем купец Чанд и его врагиня Манаса Дэви занимали столь же значительную часть моего мира фантазий, какую позже, когда я выучу английский и начну читать комиксы, займут Бэтмен и Супермен. В то время в Индии не было телевидения, и потому истории служили единственным развлечением детей. Если же рассказчик был бенгальцем, рано или поздно он добирался до легенды о купце и богине, возжелавшей его поклонения.

По-моему, история эта хороша тем, что в ней, как и в “Одиссее”, находчивый герой-человек противостоит гораздо более мощным силам, земным и небесным. Однако индийская легенда отличается от греческой поэмы, в которой герой благополучно возвращается к родным пенатам, — в свою брачную ночь сын купца Лакхиндар погибает от укуса кобры, и лишь усилиями его добродетельной супруги Бехулы душа юноши возвращается из царства мертвых, а в схватке купца с богиней достигнуто зыбкое примирение.

Я не помню, когда впервые услышал эту историю и кто ее поведал, но благодаря многократным повторениям она глубоко проникла в мое сознание, о чем я даже не подозревал. Некоторые легенды, подобно определенным организмам, обладают особой живучестью, позволяющей им пережить другие истории; сказ о купце и богине очень древний, и он, я полагаю,

наделен этим свойством, ибо способен выбираться из периодов долгой дремы. Во всяком случае, когда я, двадцатилетний студент, недавно прибывший в Америку, выискивал тему научной работы, история о купце растопила вечную мерзлоту моей памяти и вновь всецело завладела моим вниманием.

Читая многочисленные эпические поэмы, излагающие историю купца, я понял, что в культуре Восточной Индии легенда занимает место, удивительно схожее с ее нишей в моем сознании. Истоки легенды можно проследить до самого младенчества бенгальской памяти — навеянная конкретными историческими фигурами и событиями, она, вероятно, родилась в гуще коренного народа, населяющего данный регион (по сей день массовое сознание связывает места археологических раскопок в Ассаме, Западной Бенгалии и Бангладеш с семьей купца). И в народной памяти легенда как будто проходит через разные жизненные циклы: то столетиями дремлет, то вдруг оживает в новой волне пересказов, в которых чуть меняется сюжет, а знакомые персонажи выступают под иными именами.

Несколько таких поэм считаются классикой бенгальской литературы, и одна из них — шестисотстраничное произведение на старобенгальском — стала темой моей научной работы. Традиционно считалось, что текст был создан в четырнадцатом веке, но, разумеется, общепринятое мнение — наилучший раздражитель для честолюбивого ученого, а потому в своей работе я оспаривал этот взгляд и, приводя содержащиеся в поэме детали (например, упоминание картофеля), утверждал, что свой окончательный вид она обрела гораздо позже. Возможно, заявлял я, по-

следний вариант уже иного авторства появился в семнадцатом веке, много позже того, как португальцы ознакомили Азию с овощами из Нового Света.

Далее я доказывал, что жизненные циклы легенды — оживление после долгой спячки — соотносятся с периодами экономических подъемов и спадов, происходившими в семнадцатом веке, когда в Индии возникали первые европейские колонии.

Я думаю, эта финальная часть моей работы наиболее впечатлила экзаменаторов (не говоря уж о журнале, опубликовавшем статью, в которой я суммировал свои доводы). Оглядываясь назад, и меня изумляет не юношеская гордыня, сподобившая на все эти аргументы, но моя тупость, не позволившая понять, что выводы, к которым я пришел, применимы и к существованию легенды в моей собственной памяти. Я не задался вопросом, не потому ли она возникла в моих мыслях, что в то время я продирался сквозь самые вихревые годы своей жизни, пытаюсь отойти от двойного потрясения: смерти моей возлюбленной и переезда, произошедшего благодаря чуду стипендии, из раздираемой распрями Калькутты моей юности в безмятежный университетский городок американского Среднего Запада. Когда это время наконец-то минуло, я был полон решимости больше никогда не изведать подобного сумбура. Я не жалел усилий ради тихой, умеренной, бессобытийной жизни и вполне в том преуспел, а потому в тот день, когда на калькуттском свадебном застолье Садагар в личине Оружейного Купца вновь возник в моей жизни, мне и в голову не пришло, что моему тщательно спланированному умиротворению может наступить конец.

— Ты ничего не напутал с именем? — усомнился я. — Может, ослышался или еще что?

Но Канай твердо стоял на своем, уверив, что Оружейного Купца помянул осознанно.

— Тебе, конечно, известно, что в нашем фольклоре персонаж, которого называют Купец, появляется под самыми разными именами, — сказал он в своей противно снисходительной манере. — Иногда истории связаны с определенными местами, и у меня такое ощущение, что легенда о Бондуки Садагаре вышла из здешних краев.

— Почему?

— Потому что она связана с *дхаамом*, святилищем, в Сундарбане¹.

— Где? — Мысль о святилище, укрытом в облюбованном тиграми мангровом лесу, показалась до того нелепой, что я рассмеялся. — Зачем кому-то строить дхаам на болотах?

— Наверное, затем, — невозмутимо ответил Канай, — что для всякого бенгальского купца нет иного пути к морю, как через Сундарбан. Это рубеж, где лицом к лицу встречаются коммерция и глушь, где идет война между наживой и природой. Есть ли лучшее место для святилища в честь Манасы Дэви, нежели кишаций змеями лес?

— Но хоть кто-нибудь его видел? — спросил я.

— Мне не довелось, а вот моя тетушка Нилима там побывала.

— Ты говоришь о Нилиме Бозе?

— О ней самой. Она-то и рассказала мне о Бондуки Садагаре и святилище. Тетя прослышала, что ты

¹ Самый большой на земле мангровый лес в дельте Ганга в Индии и Бангладеш, часть которого занимают пресноводные болота.

в Колкате, и просила передать: она будет рада, если ты ее наведишь. Ей далеко за восемьдесят, она прикована к постели, но разум ее по-прежнему ясен. Тетушка хочет поговорить с тобой о святилище, она полагает, тебя это заинтересует.

Я помешкал.

— Не знаю, сумею ли выкроить время. Днями я возвращаюсь в Нью-Йорк.

Канай пожал плечами:

— Дело твое. — Он дал мне визитку, на которой перед тем записал имя и номер телефона.

Взглянув на карточку, я ожидал увидеть имя его тетки, но там значился кто-то другой.

— Пия Рой. Кто это?

— Приятельница. Американка бенгальского происхождения, преподает где-то в Орегоне. Зимой она, как и ты, проводит здесь и обычно квартирует у моей тетушки. Сейчас она там и устроит вашу встречу с тетей, если надумаешь. Позвони ей. Я думаю, ты не пожалеешь, Пия женщина интересная.

Имя тетушки Каная придало вес тому, что поначалу выглядело байкой. Над историей от Нилимы Бозе глумиться не следовало: авторитет личности, которую обхаживали политики, почитали благотворители, принимали с распростертыми объятьями спонсоры и превозносила пресса, был непререкаем.

Происходя из рода богатых калькуттских законников, Нилима бросила вызов семейству, выйдя замуж за обнищавшего школьного учителя. Было это в начале пятидесятых годов, после бракосочетания молодожены перебрались в Лусибари, городок на краю

Сундарбана. Через несколько лет Нилима основала женское общество, которое переросло в Фонд Бадабон, одну из самых уважаемых в Индии благотворительных организаций. Ныне фонд управлял широкой сетью бесплатных больниц, школ, амбулаторий и мастерских.

В последние годы информацию о деятельности Нилимы я получал в основном через групповой чат дальних родственников; личные наши встречи имели место очень давно — во времена моей ранней юности пути наши раз-другой пересеклись на семейных сборах. За давностью лет я был удивлен и даже немного польщен тем, что Нилима меня помнит. В таких обстоятельствах, сказал я себе, было бы невежливо не позвонить по номеру, полученному от Каная.

На другой день я набрал этот номер, и мне ответил женский голос с безошибочно американским выговором. Пия явно ожидала моего звонка, ибо с места в карьер сказала:

— Здравствуйте. Вы мистер Датта?

— Да, только, пожалуйста, называйте меня Дин, это уменьшительное от Динаната.

— А я — Пия, что уменьшительное от Пияли. — Говорила она отрывисто, резковато и вместе с тем дружелюбно. — Канай сказал, что вы можете позвонить. Нилима-ди о вас спрашивала. Ну как, вы сумеете ее навестить?

Прямота и серьезность ее выглядели притягательно. Я вспомнил характеристику, данную ей Канаем — “Пия женщина интересная”, и мне вдруг стало крайне любопытно. Забыв о приготовленных отговорках, я сказал:

— Я охотно повидаюсь с ней. Только лучше не затягивать, поскольку через пару дней я отбываю в Штаты.

— Минутку, я перемолвлюсь с Нилимой-ди. — Возникла пауза, потом Пия вернулась на линию. — Вы смогли бы прийти сегодня?

На утро я запланировал много разных дел, но все они вдруг показались неважными.

— Да. Если удобно, я буду у вас через час.

Пия назвала адрес фамильного особняка, расположенного в Баллигандж-Плейс, одной из самых шикарных окрестностей Колкаты. В этом доме я не бывал давно, но хорошо помнил, как приходил туда вместе с родителями.

Выйдя из такси, доставившего меня по адресу, я обнаружил, что старого дома больше нет — как и многие другие роскошные особняки, его снесли, заменив современным многоквартирным строением, в котором места хватало всем наследникам, претендовавшим на семейную недвижимость.

В новом здании, выдержанном в необычном стиле, двери лифта и всех апартаментов имели изящные “дизайнерские” штрихи. Исключение составляло лишь одно жилье, где на двери без всяких украшательств была табличка “Нилима Бозе, Фонд Бадабон”.

На мой звонок дверь открыла стройная невысокая женщина с легкой проседью в коротко стриженных волосах. Джинсы и майка подчеркивали ее мальчишеский облик, в котором все было ладно и невелико, кроме больших глаз, казавшихся еще крупнее из-за белков, очень ярких на фоне смуглой шелковистой